

МИНОБРНАУКИ РОССИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
**«САРАТОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Н.Г.
ЧЕРНЫШЕВСКОГО»**

Кафедра международных отношений
и внешней политики России

**Эволюция и трансформация подходов США к урегулированию
сирийского конфликта: от Б. Обамы к Д. Трампу (2011-2025 гг.)**

АВТОРЕФЕРАТ БАКАЛАВРСКОЙ РАБОТЫ
студента 4 курса 441 группы
направления 41.03.05 «Международные отношения»
Института истории и международных отношений

Шилова Ильи Александровича

Научный руководитель
профессор,
кандидат исторических
наук

подпись, дата

В.Г. Цыплин

Зав. кафедрой
профессор,
доктор исторических наук

подпись, дата

Ю.Г. Голуб

Саратов 2026

ВВЕДЕНИЕ. Актуальность исследования. Сирийский конфликт стал важнейшим региональным кризисом XXI века, он остаётся незавершённым и продолжает влиять на динамику терроризма и санкционной политики, на безопасность Ближнего Востока, гуманитарную ситуацию, миграционные потоки и мировые отношения. Период 2011–2025 годов охватывает смену трёх различных политических команд, что позволяет провести корректное сравнение демократических и республиканской стратегий применительно к одному конфликту, в сопоставимых структурных условиях. Данный анализ способен выявить механизмы принятия решений в условиях конфликтов новой генерации, где роль групп интересов, внутривластного давления и алгоритмической повестки усиливается, а прямые и косвенные инструменты (операции спецслужб, санкции, поддержка оппозиции, коалиционные операции) взаимодействуют сложными способами.

Практическая актуальность определяется необходимостью для политиков, аналитиков и международных организаций правильно интерпретировать прошлые решения и их результаты, вырабатывать более эффективные и адекватные реакции в будущем, включая модели предупреждения эскалаций, уменьшения гуманитарных потерь и содействия процессам постконфликтного восстановления. Научная актуальность состоит в том, что рассматриваемая тема позволяет проследить, как изменение идеологических ориентиров, лидерских приоритетов и институциональных балансов внутри США влияет на внешнюю политику в условиях многополярности и противоречий.

Степень научной разработанности проблемы.

Тема эволюции и трансформации подходов США к урегулированию сирийского конфликта в период от администрации Б. Обамы к администрациям последующих президентов, включая Д. Трампа и события до 2025 года, представляет собой сложное переплетение вопросов внешней политики, военной стратегии, коалиционной дипломатии и гуманитарной

практики. Тем не менее такие отечественные исследователи как С. М. Иванов¹ и Д. В. Антощенко², Р. Мамедов³, А. В. Юрк⁴ и Б. М. Хаджиева⁵, рассматривали отдельные аспекты изучаемой темы. Среди зарубежных авторов следует выделить А. Лунда⁶ и П. Портера⁷, Д. Депетриса⁸, Дж. Джеффри⁹.

Объектом исследования является внешняя политика США в отношении сирийского конфликта в 2011–2025 годах.

Предметом исследования в данной работе являются эволюция и трансформация стратегий демократических (администрации Б. Обамы и Дж. Байдена) и республиканской (администрация Д. Трампа) администраций США по сирийскому направлению, их идеологические и доктринальные основания,

¹ Иванов С. М. Урегулирование сирийского конфликта – важный шаг на пути к региональной стабильности // Мировая экономика и международные отношения. – 2020. – Т. 64, № 11. С. 53-61. [Электронный ресурс]. URL: https://www.imemo.ru/index.php?page_id=1248&file=https://www.imemo.ru/files/File/magazines/meimo/11_2020/07-IVANOV.pdf (дата обращения: 24.03.2026).

² Антощенко Д. В. Сирийский конфликт: стратегические цели России и США // Социально-политические науки. 2022. Т. 12, № 4. С. 175–181. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/siriyskiy-konflikt-strategicheskie-tseli-rossii-i-ssha> (дата обращения: 24.03.2026).

³ Мамедов Р. Второй срок Трампа. Контуры ближневосточной политики США // Российский совет по международным делам. 04.02.2025. [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vtoroy-srok-trampa-kontury-blizhnevostochnoy-politiki-ssha/> (дата обращения: 24.03.2026).

⁴ Юрк А. В. Политика США в отношении сирийского конфликта (2011–2022 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет, 2023. 307 с.

⁵ Хаджиева Б. М. Сирийский кризис 2011–2021 гг.: позиции РФ и США // Социально-политические науки. 2022. № 7. С. 110-115. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/siriyskiy-krizis-2011-2021-gg-pozitsii-rf-i-ssha> (дата обращения: 24.03.2026).

⁶ Lund A. The making and unmaking of Syria strategy under Trump // The Century Foundation. 2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://tcf.org/content/report/making-unmaking-syria-strategy-trump/> (дата обращения: 24.03.2026).

⁷ Porter P. Stuck: “America First” and the Middle East // H-Diplo / ISSF Policy Series. 2021. Policy Series 2021-54. [Электронный ресурс]. URL: <https://issforum.org/policy/ps2021-54> (дата обращения: 24.03.2026).

⁸ DePetris D. Reset U.S.-Syria policy // Defense Priorities. 11.10.2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.defensepriorities.org/explainers/reset-us-syria-policy> (дата обращения: 24.03.2026).

⁹ Jeffrey J. Syria and US foreign policy: An accidental American victory // Hoover Institution, The Caravan. 2025. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hoover.org/research/syria-and-us-foreign-policy-accidental-american-victory> (дата обращения: 24.03.2026).

нормативно-правовая база и практические инструменты, а также влияние смены этих стратегий на динамику конфликта и региональный баланс сил.

Цель исследования состоит в комплексном анализе и сравнении подходов различных президентских администраций США к урегулированию сирийского конфликта, выявлении элементов преемственности и разрывов между ними и оценке их влияния на ход конфликта и конфигурацию сил на Ближнем Востоке.

Для достижения цели исследования были поставлены следующие **задачи**:

1. Обозначить теоретико-методологические рамки анализа внешней политики США и их участие в вооружённых конфликтах.
2. Охарактеризовать сирийский конфликт как многослойный кейс взаимодействия глобальных и региональных акторов и определить в нём роль США.
3. Проанализировать политику «сдержанного интервенционизма» администрации Б. Обамы в Сирии и её правовые и доктринальные основания.
4. Выявить особенности корректировки сирийской стратегии при администрации Дж. Байдена и её место в общей повестке «минимизации вовлечённости».
5. Реконструировать военно-политическую стратегию США в Сирии при Д. Трампе и показать влияние доктрины «Америка превыше всего» и санкционной архитектуры.
6. Провести сравнительный анализ подходов демократических и республиканской администраций, выделив ключевые различия и точки преемственности.

Хронологические рамки данного исследования охватывают период с марта 2011 года по конец 2025 года, нижняя граница исследования обусловлена началом событий в Сирийской Арабской Республике, в этот период местные протесты переросли в вооруженное противостояние, что побудило администрацию Б. Обамы перейти к стратегии делегитимизации

режима Б. Асада и формирования международной коалиции против ИГИЛ. Период администрации Д. Трампа характеризуется усилением военного давления, попытками вывода войск и применением «Закона Цезаря». Верхняя граница исследования включает итоги деятельности администрации Дж. Байдена и первые шаги второго президентского срока администрации Д. Трампа в векторе сирийской политики.

Источниковая база. Изучая данную тему, приходится опираться на различные источники. Важным источником стали официальные выступления президентов¹⁰¹¹¹² и официальных лиц¹³, заявления¹⁴¹⁵. Наиболее значимыми для данной работы стали письменные источники, среди которых стоит особо выделить официальные документы¹⁶. Ключевое значение имеют National

¹⁰ Full Transcript: President Obama's Address To The Nation On ISIS And Terrorist Threats September // CBS News, 10.09.2014. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cbsnews.com/sanfrancisco/news/transcript-president-obama-address-to-the-nation-on-isis-and-terrorist-threats-september-10th-2014-isis/> (дата обращения: 24.03.2026).

¹¹ Obama statement on Syria // CBS News, 18 August 2011. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cbsnews.com/news/text-obama-statement-on-syria/> (дата обращения: 24.03.2026).

¹² Trump to Withdraw U.S. Forces From Syria, Declaring 'We Have Won Against ISIS' // The New York Times, 19.12.2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nytimes.com/2018/12/19/us/politics/trump-syria-turkey-troop-withdrawal.html> (дата обращения: 24.03.2026).

¹³ John Kerry's statement on Syria – full transcript // The Guardian, 26.08.2013. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/world/2013/aug/26/john-kerry-syria-statement-full-transcript> (дата обращения: 24.03.2026).

¹⁴ United Nations. Security Council resolution 2118 (2013) [on the use of chemical weapons in the Syrian Arab Republic], S/RES/2118 (2013), 27 September 2013. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.refworld.org/legal/resolution/unsc/2013/en/94311> (дата обращения: 24.03.2026).

¹⁵ Дональд Трамп заявил о победе над ИГ* в Сирии и Ираке // РИА Новости, 12.12.2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20171212/1510786304.html> (дата обращения: 24.03.2026).

¹⁶ United States. President (Barack Obama). National Security Strategy of the United States of America. February 2015. Washington, D.C., 2015. [Электронный ресурс]. URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/docs/2015_national_security_strategy_2.pdf (дата обращения: 24.03.2026).

Security Strategy, Стратегия 2017 года¹⁷, Исполнительный Указ № 13572¹⁸, Указ № 13894¹⁹, Caesar Syria Civilian Protection Act of 2019²⁰, Резолюция 2254²¹.

Методологическим фундаментом исследования выступили принципы историзма, объективности и системности. Специфика данного исследования, предполагающая как изучение позиций отдельных личностей в ходе исторического процесса, так и отражение отличительных черт объекта и предмета исследования, определила использование комплекса конкретно-научных методов, таких как сравнительно-исторический, историко-типологический, историко-системный, историко-генетический, синхронный и диахронный (периодизация) методы, которые соответствуют поставленным целям и задачам.

Структура работы. Дипломная работа состоит из введения, трех глав «Подход демократических администраций США к сирийскому конфликту: от Б. Обамы к Дж. Байдену», «Трансформация стратегии США в Сирии в период президентства Д. Трампа», «Сравнительный анализ стратегий демократических и республиканской администраций США в Сирийском конфликте», разделенных на два параграфа, заключения и списка использованных источников.

¹⁷ United States. President (Donald Trump). National Security Strategy of the United States of America. December 2017. Washington, D.C., 2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://database.cyberpolicyportal.org/entity/jy8z08fyjlo?file=16596917756521xhms9vvecz.pdf> (дата обращения: 24.03.2026).

¹⁸ Executive Order 13572. Blocking Property of Certain Persons With Respect to Human Rights Abuses in Syria, 29 April 2011. [Электронный ресурс]. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2011/04/29/executive-order-13572-blocking-property-certain-persons-respect-human-ri> (дата обращения: 24.03.2026).

¹⁹ Executive Order 13894. Blocking Property and Suspending Entry of Certain Persons Contributing to the Situation in Syria, 14 October 2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/executive-order-13894-blocking-property-and-suspending-entry-certain-persons-contributing> (дата обращения: 24.03.2026).

²⁰ United States. Congress. Caesar Syria Civilian Protection Act of 2019: Public Law 116-92, Title LXXIV, 20 December 2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/house-bill/31/text> (дата обращения: 24.03.2026).

²¹ United Nations. Security Council resolution 2254 (2015) [on the situation in the Syrian Arab Republic], S/RES/2254 (2015), 18 December 2015. [Электронный ресурс]. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/814715> (дата обращения: 24.03.2026).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ. Параграф 1.1 *«Политика «сдержанного интервенционизма» администрации Б. Обамы в Сирии».*

Сирийская война стала для администрации Б. Обамы испытанием доктринальных установок и проверкой готовности к практическому применению силы. В отличие от жестких республиканских подходов, демократы стремились сочетать нормативную повестку прав человека с осторожным использованием военных инструментов, стараясь не допустить нового масштабного военного конфликта на Ближнем Востоке. Методологический анализ этой политики опирается на неоклассический реализм и элементы либерального институционализма, акцентирующего роль международных организаций. В «Стратегии национальной безопасности» 2015 года подчеркивалась необходимость «умного» использования силы и опоры на коалиции. В этой логике сирийский конфликт изначально рассматривался как кризис, которым желательно управлять через санкции и дипломатическое давление, но не через крупномасштабное вмешательство по иракскому сценарию. Ранний этап кризиса (2011–2012 гг.) сопровождался переходом к формуле «Асад должен уйти», однако, как отмечает Л. Р. Рустамова, при ставке на изоляцию Дамаска у Вашингтона отсутствовал четкий план встраивания смены власти в региональный баланс. Ключевым испытанием политики «сдержанного интервенционизма» стал «химический кризис 2013 года». После заявления о «красной линии» Вашингтон оказался перед дилеммой, и, по мнению У. Фаузи, администрация Обамы проявила склонность к поиску многосторонних юридических решений вместо односторонней силовой акции. Результатом стало американо-российское соглашение, закрепленное в резолюции СБ ООН 2118 (2013). Этот шаг позволил США сохранить юридическую рамку реагирования, но одновременно усилил зависимость урегулирования от договоренностей с Россией. Дальнейшая эволюция курса была связана с подъемом ИГ, запрещена в РФ, что превратило борьбу с терроризмом в приоритет. С 2014 года США возглавляют международную коалицию, избегая прямой сухопутной

операции и делая ставку на местных партнеров – курдско-арабские формирования «Сирийских демократических сил». С одной стороны, поддержка СДС сыграла роль в разрушении халифата, но с другой – отсутствие комплексного плана по послевоенному устройству привело к институциональному вакууму. Важным дипломатическим итогом стала резолюция СБ ООН 2254 (2015), закрепившая параметры политического процесса. Как подчеркивает Л. Р. Рустамова, она оформила минимальный консенсус внешних акторов, но оставила открытыми вопросы о судьбе Асада. После вмешательства России в 2015 году Вашингтон был вынужден перейти от стратегии смены режима к «управляемому сдерживанию», сосредоточившись на минимизации угроз и контроле над ОМП (Б. М. Хаджиева). При этом А. В. Юрк указывает, что политику Обамы нельзя сводить к пассивности: США реализовали широкий спектр инструментов от санкций до программ обучения оппозиции, однако отсутствие ясных критериев отбора партнеров сделало эти усилия фрагментированными. В итоге политика «сдержанного интервенционизма» стала попыткой совместить минимизацию военных рисков с верностью международно-правовым нормам.

Параграф 1.2 *«Коррекция сирийской стратегии США в период администрации Дж. Байдена».*

Администрация Дж. Байдена унаследовала сложный комплекс сирийских проблем: фрагментацию территорий, влияние России и Ирана, а также жесткий санкционный режим. В условиях приоритетности внутренней повестки и соперничества с Китаем сирийское направление стало для Вашингтона второстепенным. Тем не менее, администрация обозначила ряд принципиальных подходов: было подтверждено сохранение «малой, но устойчивой» военной группировки для сдерживания ИГ и поддержки Сирийских демократических сил; единственной дорожной картой урегулирования осталась резолюция СБ ООН 2254. По мнению А. Х. Джасема, она рассматривается Байденем как «минимальный стандарт», через который оценивается любая возможность нормализации отношений с Дамаском;

санкции, прежде всего «Закон Цезаря», остались ключевым инструментом давления. У. Фаузи отмечает, что при Байдене санкционная политика стала более структурированной, превратившись в элемент стратегии «ответственного сдерживания». Особенностью периода стало стремление смягчить гуманитарные последствия санкций, что проявилось в Генеральной лицензии Минфина США после землетрясения 2023 года. Однако временный характер этой меры подтвердил, что системных уступок без политической трансформации Дамаска не планируется. Исследователь А. В. Юрк характеризует этот курс как «управляемую инерцию», направленную на поддержание статус-кво: ограниченное присутствие, точечные удары по проиранским группам и отсутствие попыток предложить новую архитектуру безопасности. В Российском совете по международным делам подчеркивают, что курс Байдена отличается от политики Трампа стилем, но не содержанием. Сирийское направление встроено в общую логику «минимально достаточного участия». Важным фактором стал опыт вывода войск из Афганистана в 2021 году: страх перед повторением хаотичного ухода способствовал сохранению военного присутствия в Сирии. При этом «Закон Цезаря» накладывает на исполнительную власть жесткие ограничения, делая любые послабления объектом внутривластной борьбы. По оценке Э. Хокайема, такая «управляемая инерция» несет внешнеполитические риски: сохраняется угроза конфликтов между Турцией и курдами, а стратегический вакуум заполняется Россией, Ираном и странами Персидского залива.

Параграф 2.1 *«Военно-политическая стратегия США в Сирии при администрации Д. Трампа»*. Военно-политическая линия США в Сирии в период президентства Д. Трампа не представляла собой единую программу, а развивалась как динамическая композиция трех контуров: контртеррористического, ограниченно-принудительного (точечные силовые акции) и управленчески-ограничительного (стремление минимизировать ответственность за долгосрочное устройство страны). Эта структура основывалась на доктрине «принципиального реализма» (Стратегия

национальной безопасности 2017 г.), которая сочетала «жесткую форму» применения силы с «узким содержанием» политических целей. Ограниченно-принудительный контур проявился в ударах по аэродрому Шайрат (2017 г.) и последующих акциях 2018 г. Эти действия рассматривались не как поворот к смене режима Б. Асада, а как попытка восстановить «правила игры» в рамках международного запрета на химическое оружие. Удары выполняли функцию репутационной сигнализации для Дамаска, союзников и внутренней аудитории США, демонстрируя решительность без втягивания в «большую войну». Однако такая стратегия имела системную слабость: силовые акции не конвертировались в дипломатический прогресс по резолюции 2254. Наиболее успешным стал контртеррористический контур. Опора на Сирийские демократические силы позволила реализовать модель ограниченного вмешательства: основная тяжесть сухопутных операций легла на местных партнеров при авиационной и логистической поддержке США. Это обеспечило ликвидацию «территориального халифата» ИГИЛ, но породило новые вызовы: партнерство с курдами обострило отношения с Турцией, союзником по НАТО; возник «дефицит контроля» над политическими последствиями победы. Разгром ИГИЛ без последующего политического урегулирования создал риск «пост-победного вакуума», где террористические сети переходят к партизанской тактике, а внешние игроки усиливают свое влияние. Экономическое принуждение при Д. Трампе постепенно стало главным рычагом воздействия. Принятие «Закона Цезаря» институционализировало санкционный режим как длительную архитектуру давления, привязанную к проверяемым условиям (прекращение атак на гражданских, доступ гуманитарной помощи). Примечательно, что закон прямо запрещает использовать свои положения как санкцию на применение военной силы, фиксируя стремление Конгресса избежать «расширения миссии». В целом, сирийская политика Д. Трампа характеризовалась феноменом «управляемой непоследовательности». Стратегический приоритет «не втягиваться» постоянно конкурировал с установкой «не уступить поле

противникам», Ирану и России. Исследователь А. Лунд отмечает, что курс США часто становился ареной спора между президентским инстинктом минимизации обязательств и инерцией аппарата, стремившегося сохранить позиции для регионального сдерживания. Таким образом, при высокой тактической эффективности контртеррористических мер, финальная политическая модель урегулирования осталась неопределенной и делегированной внешней динамике конфликта.

Параграф 2.2 **«Влияние доктрины «Америка превыше всего» на сирийское направление внешней политики США»**. Доктрина «Америка превыше всего» в сирийском направлении проявлялась как принцип прагматичного отбора целей и средств. Её ключевой смысл состоял в том, чтобы подчинить участие США в конфликте узкому набору основополагающих интересов, отказав Сирии в статусе «проекта по переустройству региона». В этой оптике Сирия перестала быть пространством, где Вашингтон обязан добиваться построения новых институтов, превратившись в площадку для решения прикладных задач: нейтрализации терроризма, сдерживания враждебных акторов и поддержания регионального баланса при минимальных издержках. Стратегия национальной безопасности 2017 г. закрепила этот подход, сделав приоритетом реализм в ожиданиях и борьбу с джихадистскими организациями. Переопределение «основного противника» привело к тому, что в центр американской политики встала не легитимность правительства в Дамаске, а прямые угрозы безопасности США. После падения правительства Б. Асада в декабре 2024 года и прихода к власти Ахмеда аш-Шараа перед Вашингтоном возникла развилка: продолжать тотальную изоляцию или перейти к «условному вовлечению». В рамках второго срока Д. Трампа был выбран формат «сделки за поведение». Публичные заявления Трампа в мае 2025 года о намерении снять санкции и последующие решения ноября 2025 года о снятии ограничений с самого аш-Шараа продемонстрировали готовность Вашингтона перевести новые сирийские власти из режима непризнания в режим условной легитимации в

обмен на конкретные шаги в сфере безопасности и борьбы с ИГИЛ. Вашингтон стремился сохранить за собой роль дипломатического и военного «регулятора», переложив основные расходы по стабилизации на союзников. Однако этот подход обнаружил свою слабость: разнонаправленные интересы Турции, государств Залива и Израиля зачастую приводили к тому, что США приходилось тратить ресурсы не на урегулирование в Сирии, а на управление противоречиями внутри собственной коалиции. В этой системе координат экономическое принуждение приобрело статус системообразующего инструмента. «Закон Цезаря» стал нормативным воплощением концепции «изменения поведения через стоимость доступа к ресурсам». Санкции в логике «Америка превыше всего» выполняли роль не поддержки военной силы, а её заместителя. Формально-юридическая оговорка закона, запрещающая трактовать его как мандат на применение силы, выполняла две функции: страховала администрацию от «ползучей эскалации» и расширения военного присутствия; сигнализировала участникам конфликта, что давление останется в экономико-правовой плоскости. Сирийская политика США при администрации Д. Трампа оформилась как «управляемая непоследовательность». Сочетание стремления «избежать бесконечных войн», зафиксированное в СНБ 2025 г., и необходимости удерживать рычаги влияния создало модель ограниченного присутствия. Наибольшая результативность достигалась там, где цели обеспечивались партнерами на земле, в то время как долгосрочное политическое урегулирование оставалось неопределенным и во многом делегированным внешней динамике конфликта.

Параграф 3.1 *«Идеологические и доктринальные различия в подходах к урегулированию сирийского конфликта»*. Сопоставление подходов демократических и республиканской администраций к сирийскому конфликту позволяет увидеть столкновение разных представлений о том, чем вообще является американская внешняя политика. В случае администраций Б. Обамы и Дж. Байдена в основе лежит логика ограниченного либерального интервенционизма: лидерство понимается как способность задавать нормы,

собирать коалиции и удерживать международно-правовую рамку. В случае Д. Трампа центральным становится принцип «Америка превыше всего», сочетающий националистический акцент на суверенитете с прагматичным измерением внешнеполитических обязательств. Сирия оказалась полем, где американская роль проверялась на прочность в условиях конкурирующих приоритетов и усталости от крупных войн. Для демократических администраций базовой точкой отсчёта служили нормы международного права, зафиксированные в резолюциях 2118 и 2254 СБ ООН, которые стали нормативной «рамой» для легитимации американской позиции. Администрация Д. Трампа фактически сместила центр внимания с политического перехода на управление отдельными угрозами, прежде всего связанными с ИГИЛ и региональным усилением Ирана. Различия особенно отчётливо видны в понимании роли военной силы. Администрация Обамы опиралась на концепцию «ограниченного интервенционизма», где местный партнёр становится носителем основных рисков, а США обеспечивают поддержку и авиацию. В «стратегии Трампа» сила выполняла иную функцию: она становилась способом быстро отреагировать на угрозу или событие через демонстративно-наказательные ракетные удары, оставляя без ответа вопрос о будущей политической конструкции. Особое место занимает санкционная политика. Для Обамы санкции были вспомогательным инструментом, встроенным в комплекс дипломатии. Для Трампа они стали «несущей конструкцией» сирийской линии. «Закон Цезаря» юридически закрепил режим вторичных санкций, превратив экономическую сферу в ключевое поле давления и механизм формирования постоянной цены взаимодействия с Дамаском для третьих стран. При этом для Байдена тот же закон превратился в инструмент «управляемой жёсткости», где санкционный каркас сохраняется, но активнее используются гуманитарные послабления. Идеологические различия можно описать как конкуренцию двух моделей: ограниченного либерального интервенционизма и националистического прагматизма. Однако принципиально, что в обоих случаях Сирия не становилась центром

глобальной стратегии. Она оставалась полем, где доктринальные установки проходили проверку реальностью: ограниченные ресурсы и высокая автономия региональных акторов сокращали пространство для крупных проектов. Поэтому при смене администраций менялись темп и конфигурация инструментов, но стратегии оставались в пределах управляемого минимума.

Параграф 3.2 *«Влияние смены администраций США на динамику конфликта и региональный баланс сил»*. Смена администраций в Вашингтоне при затяжных конфликтах неизбежно перенастраивает параметры политики: меняются уровни риска, конфигурация партнёрств и распределение ресурсов. Байденский подход можно описать как поддержание минимально достаточной устойчивости: сохраняется ограниченное военное присутствие, поддерживается партнёрство на северо-востоке, но избегаются крупные военно-политические комбинации, которые создали бы риск эскалации с Россией, Ираном или Турцией. При Байдене сирийский театр превратился в «забытый фронт»: США удерживают базовую архитектуру, но не стремятся быть главным дирижёром урегулирования. Это привело к относительной стабилизации линии фронта, однако закрепило де-факто раздел страны, а санкционный режим и территориальная мозаика консервируют причинный механизм нестабильности. На уровне «великих держав» сирийский конфликт стал площадкой постепенного смещения относительной роли США в пользу России и частично Ирана. Здесь важно аналитическое различие: успех в контртеррористическом измерении не автоматически трансформируется в лидерство в политическом урегулировании. В Сирии эти два измерения разошлись: борьба с ИГИЛ стала сферой относительной эффективности, тогда как «большая политика» оказалась полем, где другие акторы смогли закрепить преимущества. Для региональных акторов смена администраций воспринималась как изменение набора сигналов о приоритетах, допустимых инструментах и цене вовлечённости США. Каждая новая администрация оценивалась по тому, как её решения перестраивали региональную конфигурацию рисков и

возможностей. Для Турции сирийское поле оставалось продолжением собственного вопроса национальной безопасности, сосредоточенного вокруг курдской проблематики. Различие восприятия было в масштабе: Вашингтон видел тактику и «управляемый риск», Анкара видела стратегическую траекторию и «эффект закрепления», когда временное партнёрство становится нормой. При Б. Обаме турецкая стратегия приобретала характер постоянного торга: попытку управлять ущербом при сохранении американской опоры на местные силы. При Д. Трампе непредсказуемость заявлений открывала для Анкары окно возможностей: росла ценность давления и «пакетных сделок», переводящих спор в плоскость обмена. При Дж. Байдене американское сотрудничество с СДС оформилось как «новая норма», встроенная в бюрократическую и союзническую ткань политики США. Это означает переход Турции к управлению долгим конфликтом интересов, где задача состоит в том, чтобы сделать американское решение менее опасным для турецкой безопасности. Усиление роли Анкары стало результатом американской поддержки курдских структур и российской опоры Дамаска, что вынуждало Турцию мыслить через «коридоры допустимого» и создавать собственную архитектуру контролируемой стабильности. Для стран Персидского залива сирийская повестка была тесно переплетена с иранским фактором и воспринималась через призму того, какую модель поведения Вашингтон выбирает по отношению к Тегерану. Дополнительным измерением стал восточно-средиземноморское направление, где сирийский вопрос связывался с энергетическими маршрутами и конфигурацией союзов вокруг Кипра, Греции и Израиля. В таком ракурсе Сирия оказывается элементом более крупной геополитической головоломки, влияющей на устойчивость соседних маршрутов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Проведённое исследование позволило проследить эволюцию и трансформацию подходов США к урегулированию сирийского конфликта в период с 2011 по 2025 годы как сквозную линию смены трёх различных политико-доктринальных конфигураций в Вашингтоне.

Рассмотрение политики демократических администраций показало, что линия Б. Обамы и Дж. Байдена строилась вокруг модели «сдержанного интервенционизма», которая предполагала отказ от крупномасштабных сухопутных операций при одновременном стремлении сохранить значимое влияние на параметры урегулирования за счёт опоры на международное право, коалиционные форматы и локальных партнёров. В то же время установлено, что ставка на минимизацию военных рисков и сохранение нормативной легитимности сопровождалась потерей части позиций в пользу других внешних игроков. Анализ периода президентства Д. Трампа выявил качественное изменение риторики при сохранении структурных ограничений американской политики. Доктрина «Америка превыше всего» задала узкий набор допустимых целей, а санкционная архитектура, институционализированная «Законом Цезаря», превратила экономическое принуждение в центральный инструмент влияния. Вместе с тем высокая операционная результативность в контртеррористической сфере не сопровождалась формированием ясной модели конечного политического урегулирования, а санкционный режим нередко выполнял функцию замещения стратегии, а не её практического воплощения. Сравнительный анализ стратегий продемонстрировал, что при всей глубине идеологических различий между «ограниченным либеральным интервенционизмом» и «националистическим прагматизмом» их практические реализации имеют значимую зону структурной преемственности. Установлено, что во всех трёх периодах США избегали крупномасштабной военной интервенции, предпочитая комбинацию ограниченного присутствия, поддержки местных партнёров и санкций. Сирия в американской стратегии рассматривалась как один из узлов более широкой конфигурации приоритетов, где конкурировали задачи борьбы с терроризмом, сдерживания Ирана и России, управления союзническими отношениями и перераспределения ресурсов. Важным итогом исследования стало обоснование тезиса об опосредованном, а не определяющем характере влияния США на динамику конфликта. Решения

Вашингтона задавали рамочные условия и набор стимулов для акторов, но не могли полностью предопределить исход противостояния. Администрация Байдена унаследовала фрагментированную конфигурацию, закрепив курс на «управляемую инерцию»: поддержание минимально достаточного присутствия при отказе от масштабных политико-дипломатических инициатив. Тем самым сирийский кейс демонстрирует, что даже крупнейший внешний актор сталкивается с пределами стратегического контроля в условиях конкуренции нескольких центров силы. С теоретической точки зрения работа позволяет уточнить потенциал неоклассического реализма, фиксируя устойчивую тенденцию к политике «управляемой ограниченности», формируемую системными факторами и внутривнутриполитической усталостью общества от войн. Практическая значимость результатов состоит в выявлении механизмов, через которые ограниченное присутствие и санкционные режимы формируют конфигурации «замороженной нестабильности». Это имеет значение как для анализа будущей политики США на Ближнем Востоке, так и для выработки подходов других акторов к взаимодействию с Вашингтоном в сходных ситуациях. Перспективным направлением дальнейших исследований представляется более детальное изучение влияния санкций на внутреннюю динамику конфликтных государств и на структуру региональных союзов.